

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-95-98

Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.) / науч. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2016. 544 с.

Еще в XVIII в. в одной из работ немецкого философа Х. Гарве (1742–1798 гг.) отмечались коренные недостатки современной ему историографии: «Первый недостаток тот, что у нас мало обширных исторических сочинений, обнимающих значительный период времени, которые были бы написаны умными людьми и крупными учеными» [1]. Также большим просчетом европейской историографии, согласно мыслителям XIX в., считалось стремление делить народы на «исторические» и «неисторические» в связи с присутствием или отсутствием у них в прошлом письменной исторической традиции.

В этом плане подлинно академическая монография известного историка из Абхазии Г.Д. Гумба относится к числу немногих на сегодня «обширных исторических сочинений» и продолжает лучшие традиции кавказских и российских историков, посвящавших десятилетия своей жизни изучению разнообразных этнических процессов на территории больших регионов на протяжении исторически долгого времени.

Тематически рецензируемое исследование посвящено историческим судьбам нахского этномассива на огромном географическом пространстве. Монография Г. Гумба охватывает Северную Месопотамию, Малую Азию, Закавказье и Северный Кавказ. Она является своеобразным итогом многолетних (начиная с 80-х гг. XX в.) исследовательских усилий подлинно талантливого и профессионального специалиста. В историческом плане им изучается этнокультурная история нахских племен и народов, расселившихся в указанных регионах с глубокой древности. Большое место занимают вопросы взаимоотношений древних нахов с другими этносами и государствами по всему периметру расположения нахского этномассива.

При таком широком и углубленном подходе приходит понимание того, что, помимо отдельных «озарений» по нахской проблематике ряда ученых прошлого и современности, история целого этномира, соединявшего тысячелетиями по существу всю Переднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу оставалась практически не только не исследованной, но и даже не обозначенной. Бесписьменные нахи, чьим природным ареалом обитания являлись преимущественно горы, именно в течение I тыс. до н.э. и начале новой эры еще не успели размыться под напором новых культур, государств и народов. Они, как выясняется, сыграли позже для многих народов Кавказа известную роль исторического субстрата.

Наряду с ограниченными письменными источниками (главным образом античными, армянскими и грузинскими) автором широко и разумно использованы лингвистические данные и топонимическая номенклатура. При этом он отмечает: «Нахский язык – один из древнейших языков мира. Вместе с абхазским, адыгским и дагестанскими языками он образует единую кавказскую (или т.н. северокавказскую) языковую семью. Абхазов, адыгов, нахов и дагестанцев объединяют общее происхождение, генеалогическое родство языков, близость материальной и духовной культуры» (с. 7). Вместе с тем Г. Гумба полагает, что рассмотренные «вопросов ранних этапов истории нахских народов было, ...неполным без учета переднеазиатских связей нахов и привлечения хуррито-урартских материалов» (с. 7). В силу этого процесс выявления происхождения отдельных нахских племенных групп привел автора «к необходимости рассмотрения нахско-переднеазиатских или, точнее, нахско-хуррито-урартских этнокультурных связей и их конкретизации на фоне общей этноязыковой ситуации Кавказа и Передней Азии» (с. 8).

Примечательно, что исследователем при решении своих задач использована практически вся база известной на сегодня историографии вопроса во всей ее многоаспектности и богатстве, включая специальные труды по источниковедению, исторической географии, археологии, языкознанию и в том числе на языке оригинала (древнеармянский и древнегрузинский).

Монография состоит из 10 глав, развернутой библиографии, указателя географических и этнических наименований и авторских карт (что представляет собой отдельную ценность).

Причем первая глава «Нахские племена Центрального Кавказа (I тыс. до н.э.)» представляется нам ключевой. Сюжеты и положения этой главы дополняются и расширяются в последующих главах. Подобная архитектоника порождает иной раз повторяемость, но в целом усиливает раскрытие темы.

Вследствие того, что «Ашхарауци» (письменная Армянская география V–VII вв.) содержит первое упоминание о древних нахах и картину расселения горских и кочевых народов в античное время, автор начинает свое исследование именно с указанного труда. И здесь нас ждут первые открытия. Так, анализ

Исследование выполнено в рамках государственного задания на выполнение работ по теме «История и этнография народов Северного Кавказа».

важнейшего этнонима «нахчематы/нахчематианки/ нахаматеаны» (в разных переводах) такого важного труда, как «Ашхарашуйц», приводит Г. Гумба к убеждению, что помещение древними армянскими авторами нахаматеанов не на Северном Кавказе, а в Приазовье, а то и в устье Дона является результатом смещения заданной еще античными авторами системы географических координат. Когда она приводится в соответствие с реальными южными границами Азиатской Сарматии, то все становится на свои места. Нахаматеаны и сопутствующие ему другие этнонимы «укладываются» на горных склонах Кавказа от Приэльбрусья до Андийского хребта (с. 17–24).

Ссылаясь на тексты Армянской географии, Страбона и Птолемея, автор показывает в первой главе, что во 2-й половине I тыс. до н.э. нахские племена присутствуют не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Причем не только на территории исторической Картли и Кахети, что было достаточно известно, но и в Имерети, где они граничили со сванами и абхазами. Таким образом, граница «Азиатской Сарматии» античных трудов с отрогов Северного Кавказа переносится в Закавказье по линии проходящих параллельно Главному Кавказскому хребту Эгрисского и Рачинского хребтов, а затем и восточнее по левобережью Куры до впадения Алазани. Это делает понятной и логичной границу проведенную античными авторами между миром варваров (Азиатской Сарматии) и земледельческими племенами Кавказа (с. 30–35).

Пожалуй, впервые именно Г. Гумба внес ясность в расположение известных дарьяльских укреплений – «ворота цилкан» (крепость Дарубал, Кавказские ворота), расположенных в районе Жинвала, и Сарматских (позже Аланских) ворот, расположенных у северного выхода Терека из Кавказских гор (с. 36–39).

В современную историографию автор также вносит поправку, касающуюся границ собственно Картли (Картлийского царства), иранского марзпанства Картли – Варджан (с включением горских земель Закавказья) кустака Капкох-Кавказ Сасанидской империи, в которую входили земли Великой Армении, Албании, Картли и земли горцев-«кавказиан» (с. 40–41). Единственно, на наш взгляд, интерпретация сообщения Птолемея о «санарейях» Закавказья, которых Гумба сопоставляет с нахами-цанарами раннего средневековья, нуждается в специальном обосновании. Птолемеевские «санареи», толкуемые иранистом О.Н. Трубочевым как «старые арии», в различных переводах читаются как располагающиеся либо севернее, либо юго-восточнее закавказской Албании.

Следующий источник, тщательное исследование которого на основе последних достижений кавказоведения проделано Г. Гумба, представляет собой великий труд Леонтия Мровели (XI в.) «Жизнь картлийских царей». Гумба убедительно показывает, что труд грузинского писателя «фиксирует итог сложных этнических и политических процессов, происходивших на протяжении многих столетий, и отражает этнополитическую ситуацию, сложившуюся в районах Центрального и Восточного Кавказа в раннем средневековье» (с. 55). Вместе с тем он делает полный критический разбор произведения Л. Мровели в той его части, где речь идет об участии дзурдзуков/дурзуков в образовании первого картлийского государства на рубеже IV–III вв. до н.э. Продолжая анализировать высказанные научные доводы автора, можно предположить, что соотношение дзурдзукского (нахского) мира Закавказья и скромного картлийского государственного образования вокруг Мцхеты было примерно таким, каким в позднем средневековье было положение Элисейского султанства и Джаро-Белоканского союза обществ, когда первое являлось вассалом крестьянского полуса-государства.

Оттого-то и произошло выступление дзурдзуков на Картли в III в. до н.э., когда приглашенный картлийской знатью персидский выходец царь Мирван попытался изменить старую систему взаимоотношений с горским миром. Об этом и многом другом автор говорит не только в первой главе, но и в главе 10-й (с. 356–370).

Отметим также, что заявленная Г. Гумба в первой главе тема племенных названий древних и ранне-средневековых нахов весьма актуальна. Нельзя не согласиться, что огромный по масштабам Кавказа нахский мир давал по географическому периметру своего расположения в зависимости от языковой принадлежности соседей и исторической ситуации большой разброс (например, дзурдзуки, кавказианцы, цанары, махли/махлы, мушки/мосхи, диаухи, цаны, махелоны, гугары, хоны, бунтурки). Были также помимо общих названий и частные, связанные с отдельными ущельями или районами – двалы, туски/туши, гудамакары, хови (пшавы), нахчи, хевсуры, кистинцы, маьлхи, и т.д. Все это развернуто изучено в III–IV главах монографии на основе сравнительно-сопоставительного изучения наличных источников и литературы под углом серьезного критического анализа и ревизии.

Большим достоинством работы можно считать попытку своеобразного «возвращения» нахским народам исторического прошлого в так называемую «скифо-сармато-аланскую» эпоху, целенаправленно принятую Г. Гумба в главе VII «Нахи и скифы», а также в главе IX «Нахское государственное объединение на рубеже IV–III вв.». Изучив на основе огромного пласта фактического материала не только расселение, но и археологические памятники нахского мира, хозяйство, торговлю, общественные отношения, автор пришел к выводу, что нашествию варварских пастушеских племен с севера (скифов, сарматов, алан, гуннов и хазаров) противопоставлялось серьезное организованное сопротивление на большом пространстве вплоть до строительства некоей протяженной оборонительной линии. Все это требовало на взгляд автора и некоей организации нахского этномассива.

Потому Г. Гумба полагает, что в пределах районов Центрального Кавказа (по автору это территория от Андийского хребта до истоков Большой Лабы в западной части Приэльбрусья) на обоих склонах Кавказского хребта и на севере, включая Ставропольскую возвышенность, по крайней мере к середине I тыс. до н.э. образовалось нахское раннегосударственное объединение (гл. VI, VIII, IX). Считая данное соображение по целому ряду причин небесспорным, мы не можем не согласиться с Г. Гумба в нескольких пунктах. Так, к примеру автор абсолютно прав, называя целый ряд северокавказских городищ и поселений кобанского времени городами. А это уже серьезная предпосылка к крупным объединениям.

Так, еще в 2001 г. российский археолог В.И. Козенкова излишне осторожно называла Сержень-Юртовское городище на р. Хулхилау (Чечня) городом. Между тем «Сержень-Юртовское поселение, ...предстает перед нами как относительно крупный производственный и культовый центр Чечни эпохи поздней бронзы. Наличие мостовых, храма, крупных мастерских (предназначенных отнюдь не для нужд одного поселка) говорит и об определенной степени самоорганизации общества, о наличии системы управления и регулирования (встречающейся и в ранних городах Древнего Востока)» [2, с. 99].

Также мы не можем отрицать наличия в истории человечества бесчисленных государственных образований, в том числе и в горных районах хотя и понимаем, что такой союз не мог быть долгов и основывался исключительно на необходимости ведения борьбы с общенациональным бедствием – например длительным нашествием кочевников. Создать же государство как систему, отражающую некое классовое расщепление и представляющую некий аппарат насилия в условиях гор и высоко рискованного хозяйства, было весьма сложным делом. Объективных законов логики и синергетики никто не отменял. Тем более что зримым высшим достижением традиционного общества горцев на том же Северном Кавказе стало не государство, а массовое образование так называемых вольных обществ (полис, полития) и их союзов.

Северокавказские ученые отмечали, что древние общинно-родовые формы горцев, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований (республики, вольные общества, суперсоюзы и федерации вольных обществ и т.д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Самоуправляемая гражданская община (полис) – одно из самых высоких достижений социального и политического развития – основан на частной собственности на землю при коллективном владении территориями.

В целом рассматриваемое нами исследование Г. Гумба не просто заполнит существующую лауну в кавказоведении, но и поднимет такой огромный пласт вопросов, после решения которых история горских народов, безусловно, станет качественно иной. Там, где еще порою по сей день господствуют досадные стереотипы, голый нарратив, «война памяти» и скороспелые «истории-хотелки», мы увидим место научным подходам и конкретным знаниям, которые проверяются в рамках научной методологии.

Пройдет еще немало времени, пока историческая наука Кавказа по достоинству оценит и впитает все то новое, что внесено Г. Гумба как в фактическую, так и методическую составляющую истории кавказского мира в античное и раннесредневековое время. И не важно, что какие-то выводы автора подлинно академической монографии представляются либо промежуточными, неокончательными, а то и сугубо гипотетическими. Самое главное, рассмотренный текст высвобождает исследователя-кавказоведа от массы устоявшихся стереотипов и порождает в каждом, даже через несогласие, некое новое направление мыслей и подходов.

Ведь до данного исследования Г. Гумба казалось, что научное кавказоведение «заклинило» на одних и тех же текстах источников и авторитетных соображений, представлялось, что научная мысль относительно древней и раннесредневековой истории горских народов идет, к сожалению, по некоему замкнутому кругу. И вот благодаря рецензируемому труду обнаружилось, что мы все в целом еще и не начи-

нали собственно настоящей работы! Очень возможно, что всем кавказоведам предстоит стать участниками того явления, что в научном мире Западной Европы XX в. получило название ревизионизма. Отметим, что лично для нас ревизионист в науке – это исследователь, который пытается по-новому осмыслить проблемы на основе более глубокого прочтения исторических документов и свидетельств, подвергая при этом ревизии (пересмотру) устоявшиеся или господствующие взгляды.

Литература

1. Цит. по: Колер И., Ранке И., Ратцель Ф. (Введение Г. Гельмольта). История человечества. Доисторический период. СПб., 2003.
2. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.

References

1. Quoted. by: Koler I., Ranke I., Rattsel' F. [Introduction by G. Gelmolt]. *Istoriya chelovechestva. Doistoricheskii period* [The History of Mankind. Prehistory]. Saint Petersburg, 2003.
2. Akhmadov Ya.Z. *Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of Chechnya from Ancient Times to the End of the XVIII Century]. Moscow, 2001.

Я.З. Ахмадов,
доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

В.Х. Акаев,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Комплексный НИИ РАН, г. Грозный